

Пять ведущих современных российских авторов специально для «Ленты.ру» написали рождественские рассказы. Одним из них стала Майя Кучерская. Филолог, литературовед, критик она приобрела известность как писатель в середине 2000-х, когда вышла ее прозаическая книга «Современный патерик. Чтение для впавших в уныние» — сборник историй, посвященных современной жизни Русской православной церкви. Отношениям человека с верой и с церковью была посвящена и следующая работа писательницы — роман «Бог дождя» (отмечен премией «Студенческий Букер»). Роман «Тетя Мотя» был написан после длительного перерыва и оказался уже на совсем другую тему — это история одного адюльтера. Книга вышла в финал сразу двух крупных литературных премий: «Большая книга» и «Ясная поляна». Рассказ Майи Кучерской «Тренировки по плаванию» ломает традиционные представления о первой любви.

- [Майя Кучерская](#)

o

Майя Кучерская

ТРЕНИРОВКИ ПО ПЛАВАНИЮ

Рождественский рассказ

Картина художника Андре Кона ([Andre Kohn](#)-)

Своего мужа я полюбила на семнадцатом году совместной жизни. Что самое смешное, в точности под Новый год. Получилось вроде как подарок.

Почему? Не из-за праздника, конечно, просто Ванечка вырос. Летом еще начал бриться, а когда долго не брился — обрастал по подбородку мхом, такими кусточками темными, кудрявыми. Я вдруг увидела: красивый! И не потому, что сын мой, вот не потому, а правда.

И не одна я это заметила — в сентябре, как в школу снова пошел, отбою не стало. И звонили, и писали, но Ванечка всех отвергал, пока сам не втюрился. И, как нарочно, безответно. Алена эта Федорова — до смерти буду помнить, его не любила. Вот так угораздило. В их-то годы, что они умеют! Но даже и щенячье, на что в семнадцать лет они способны, Алена к нему не испытывала. Однако и от себя не гнала, придерживала. Ваня ей создавал хорошую репутацию в классе. Девочка при мальчике — совсем не то что без. Вот и держала на привязи. Но Ванечка все чувствовал и страдал.

Тут-то я впервые за много лет и пригляделась к своему Гене, и как прозрела. Хотя ведь что я в Ванечкины-то годы говорила: «Вот что угодно, девочки, но за человека по имени Геннадий замуж не выйду! Никогда. И за Вениамина, одно и то же». Как в воду глядела, только наоборот.

А вышло вот как.

Гена спас меня, так получилось, но благодарности к нему я никогда не испытывала.

Любовь у меня главная до него случилась, и какая. Сначала я влюблялась во всех подряд. Как окошко какое было внутри распахнуто, и каждый, кто посимпатичней мимо проходил — одноклассники, однокурсники потом, преподаватели — из тех, кто помоложе да повеселее, один знаменитый актер даже — на многих я западала. Но это как ветерки были: полюблю денечек, другой, неделю, один раз почти месяц продержалась, но выдувало, проехали, дальше мчимся. А тут — началось.

Встречались мы полтора года, пока он не отвалил в Америку, причем молча.

Как я его искала! Везде! Милицию на ноги подняла, но уже и узнав, что случилось, поверить не могла — как? Как можно было так взять и исчезнуть? В субботу сходили с ним в парк культуры, на колесе обозрения катались, практически единственные — холод стоял! Декабрь месяц, морозище, елки везде уже горели. Он мне руки все время тер, глупости говорил какие-то смешные, и ржали мы, как дети малые, ну это вообще мы часто, а в воскресенье он к телефону уже не подходил. В понедельник тоже. Во вторник я сама к нему в общежитие поехала, на край света почти, в Строгино — шла по ветру на гору, так меня там и на порог не пустили. Потом-то я выяснила, его уже и не было в это время в стране, он в понедельник улетел, накануне как раз. Ни слова мне не сказав!

Потом я вспомнила, конечно, я ж с ним полпрогулки про Новый год пыталась поговорить, как справлять будем, мечтала, как за город вместе поедем, однокурсники мои очень звали, планы разные строила, а он никак этого не поддерживал. Только все смотрел молча, что у нас кончалось одним. Поцелуями.

Картина художника Андре Кона ([Andre Kohn](#))

Так я и попала в психушку, на нервной почве, ничего, выкарабкалась, Гене как раз благодаря. Но пока таблетки глотала, всю эту историю постаралась выжечь и выжгла. Почти. Только, как совсем в начале еще, нес меня до метро на руках, когда дождь лил, воды по колено, а мне срочно нужно было на экзамен по философии, там преподша злючка была! Но

не дойти до метро — наводнение. Он подхватил меня и понес, сильный был очень человек — несет, я держу над ним свой в цветной горошек зонтик, но что-то мало помогает, заливает со всех сторон! Я в одном сарафане, с утра жара была, мерзну жутко, смеюсь от стеснительности, а он сжимает меня крепко-крепко и не улыбается, только в глаза смотрит, как всегда, прямо, ровно и так чисто, ясно — вот это забыть не могла, и каждый раз казалось: как я могла, нужно было получше разобраться тогда, в чем дело, и все-таки найти его, даже в Америку за ним поехать. Тогда все, все бы могло сложиться по-другому!

Гена приходил в психушку к матери, соседке моей по палате, она была у него с сильным приветом, но довольно тихая. Мне что, я хоть и в отключке, но матери его помогала — она есть не хотела и ходила у него еле-еле, я ее каждый раз уговаривала и водила то на обед, то на ужин, то в туалет. Гена за мать сильно меня благодарил, так и познакомились, а как вышла я на волю, начали встречаться. Был он меня на восемь лет старше. Мне все руки на себя наложить хотелось, а он меня утешал и очень поддерживал — натренировался уже на маме-то, и, кстати, неплохо получалось. Более-менее я успокоилась. Потом и замуж позвал. Для бедной Тани все были жребии равны, как в школе мы учили, — я согласилась.

Родили мы вскоре Ванечку. Сынок был похож не на Гену, а на того... тренера! Такие ж глаза — серое с ярко-голубым намешано, и так же цвет меняют от освещения — иногда синие-синие, как небо летом, а то — сталь. Это при том что и у меня, и у Гены глаза темно-карие. Не только глаза — ушки той же формы у Ванечки были: чуть лопухие, отогнутые сверху, и даже форма черепа! И какой высокий, стройный потом вымахал, хотя мы с Генкой оба низкие. Но есть, говорят, такое явление, телегония. С научной точки зрения это, конечно, бред, я не спорю, но ведь факт. И факт этот — мой Ванечка. Только смуглый он вышел в Гену — там вся их родня по отцу из Молдавии.

Рос Ваня добрым мальчиком, рисовал хорошо, собирался стать дизайнером, и надо ж, напасть. Влюбился в эту Алену, да так, как только в шестнадцать лет бывает. Спать перестал, все чего-то рисует да эсэмэски ей эсэмэсит. И нет бы отшила его, так и не отшивает, но особенно и не откликается, а он вот буквально! Худеет на глазах. Жаль до слез, а как поможешь? Тут звонит его классная руководительница: ваш сын три недели не был в школе, все в порядке? Как не был? Каждое утро уходил, с рюкзаком, учебниками, вот только, оказывается, не в школу. Призвала я Ваню, а он на все вопросы отмалчивается, на контакт не идет и смотрит до того... странно! Отсутствующе так. Уговорила его сходить к психологу, но большого толку от этого не получилось, точнее, совет ее был — куда-нибудь переехать, в новое место, в новую обстановку. Но куда переедешь, осталось-то год в этой школе домучиться, и потом, какая разница — все равно и по интернету, и по телефону все друг с другом сейчас связаны. И я надеялась, что как-нибудь постепенно все у Вани пройдет.

Папа наш вечно на работе, в автосалоне своем, начну ему вечером жаловаться, хочу посоветоваться — молчит; а однажды как скажет: «Ну, а что ты хочешь, Надь, наследственность. Мать моя из депрессий не вылезала, и с тобой мы где познакомились, помнишь?» Вдруг вскакивает и к Ваньке в комнату — раз, я — следом бегу! Берет его за грудки, мрачно так, и говорит: «Будешь мать расстраивать, не будешь в школу ходить, ты мне не сын. Дома можешь не появляться!» Ванечка на это смолчал, а потом, как мы с отцом вернулись на кухню, тихо-тихо собрал вещички и вышел. Ночевать не вернулся, на мобильный не отвечал.

Что за ночь мы пережили, рассказывать не буду. Утром пришла эсэмэска: «Мама, все ОК». И опять ни слуху, ни духу. Еще два дня прошло. В школу идти выяснять не хочется —

выгонят его, будет на плохом счету. Кое-как разведали, что ночует он у друзей, по очереди. Вернулся домой только через четыре ночи. Гена вообще с ним не разговаривает, но хотя бы и не трогает, еле уговорила его. Что ж, такое время у мальчика, надо пережить. Хотя как пережить — непонятно. И Алена эта вроде как в конце концов вообще его бросила, с другим кем-то начала гулять, уже, значит, вышла в тираж. Ванечка буквально почернел. Даже рисовать больше не рисует, целыми днями сидит у себя в комнате и слушает музыку. На все вопросы глядит исподлобья и говорить не хочет. Только с каждым днем все хуже. Бородой зарос, одни глаза остались.

И тут моя хорошая знакомая из нашего же турагентства дала мне совет. Съездить к одной женщине, живет не так далеко, в городе Дмитрове, и женщина эта будто бы прозорливая. Что-то типа гадалки, но не совсем, а вроде как и лучше. Этой знакомой она в свое время помогла найти мужа. Смешно мне стало — чушь ведь! И стыдно — к гадалкам ходят малолетки да несчастные женщины. С другой стороны — сын, единственный. К лучшему ничего не меняется, учиться Ваня так и не хочет, в школу почти не ходит. Посомневалась я недельку и решилась.

Взяла, как и было велено, Ванечкину фотографию, получила на работе отгул с большими сложностями — под Новый год у нас в турагентстве дым коромыслом стоял, но все-таки вырвалась. Поехала в город Дмитров. Накануне как раз снегопад был, сначала электричку отменили, потом стояла всю дорогу, ничего в этом Дмитрове не чищено, прыгала через сугробы, не знаю сколько, искала нужный дом, нашла, наконец — в общем, на одну только дорогу часа четыре потратила, а разговор наш с прозорливой продолжался минут, думаю, двадцать.

Ни на ведьму, ни на гадалку она мне похожей не показалась, скорее на певицу оперную: статная такая дама, грудь, волосы распущены, но одежда самая обыкновенная, скромная. Хотя вид королевский. Правда, королева показалась мне сильно уставшей. Не успела я дорассказать про Ванечку, она и говорит, глядя прямо на фотографию: «Психические заболевания мальчика не коснутся, погрузит и забудет, сложность тут другая. В роду вашего мужа по материнской линии жены не любили мужей. Четыре поколения! Образовался порочный круг. Надо его разорвать, тогда и сына вашего любить будут, от этой девушки он скоро и сам отойдет, но когда появится другая... Принимайте меры!» И — зырк! На меня прям.

Тут меня как ударило: правда. Все правда! Мать-то Гены, Ирина Васильевна, царство небесное, тоже не сразу свихнулась, сначала трех мужей бросила, в том числе Гениного отца, и про бабушку свою он всегда говорил: суровая была женщина, зимой снега не допросишься, с дедом жила как кошка с собакой.

Вот ведь. Не люблю Гену — Ванечка будет мучиться всю жизнь.

Только я открыла рот, чтоб спросить, да как же, как мне Гену-то полюбить, не любила ведь его толком никогда, и замуж пошла за него, чтобы в дурку опять не загреметь, он меня очень поддерживал!

Но прозорливая меня остановила, не позволила говорить. Помолчала, посидела с закрытыми глазами, потом снова глянула и говорит: «Другой, другой на сердце у вас. Сколько лет уже. Надо эту дрянь...» — и рукой так показала, как выбросить из сердца дрянь. Будто гадость какую — раз и бросила за левое плечо, и поморщилась, как от скверного запаха. «Да ведь я... и Гена...» — но она уже прочь меня выпроваживает.

Ехала я в электричке, душно так, и снегом мокрым и мандаринами пахнет, и елкой, кто-то с дачи везет ветки хвойные, что ли? И перегаром, конечно, несет, народ уже выпимши, к празднику готовится — мужички рядом со мной чего-то все шутят, а мне не весело, я только и думаю: как, как же мне полюбить Гену. И ведь хороший! Работящий, заботливый, слова дурного не слышала от него. Бывает, даже ужин приготовит, и Ванечку, конечно, любит, хотя и по-своему, не на словах. Он вообще не очень-то на слова, молчит больше. Зато скажет так скажет. Давно еще, когда женихался, спросила его: «Зачем я тебе? Что ты нашел во мне! В психованной». А он: «Ты — моя женщина». И все.

Да разве он-то — мой, мой мужчина? Но получается — да?

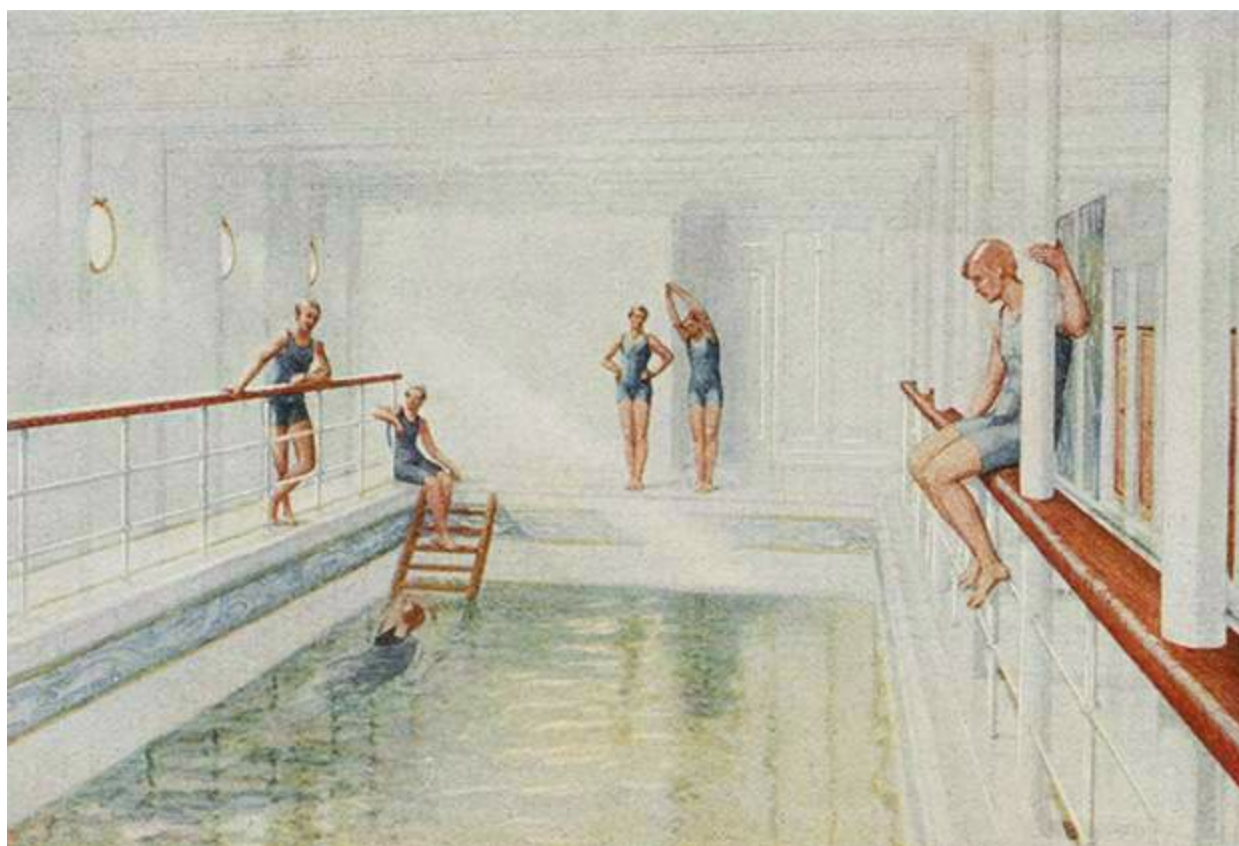
Думаю дальше: так, сказано ж было — другой на сердце, надо выбросить. Но кто? Тренера я почти забыла, только вот дождик да глаза остались. Стала пытаться, прям в электричке, этот дождь выгнать из памяти, а как? Да вот так: будто не было! Не было такого — ни дождя, ни рек по колено мутных, ледяных, прям у метро «Университет», и не нес меня

никто, не прижимал крепко. Но как не нес, когда нес? Только вспомнила, опять сердце застучалось, и мысли вернулись прежние, как вчера все было. Да я ж любила его! И не отвоевала, не догнала! Вот кто мой мужчина, и никаких сомнений.

И тут как ворота передо мной распахнулись. Поняла я, нужно мне его снова увидеть. Заново с ним встретиться и все, наконец, понять. Восемнадцать лет спустя! Если надо — выкинуть, как прозорливая повелела, а нет — значит, судьба.

При нынешних-то возможностях найти человека — пустяки, фамилия у него была редкой, хотя звали его Сергеем, даже отчество я его вспомнила, и нашла очень быстро в «Одноклассниках», поглядела, почитала — похоже, и правда побывал он в Америке, но как будто недолго, тогда же и вернулся. Фотографии у него были сплошь старые, только совсем молодого его, почти каким я его помнила, недавних ни одной. И объявление прямо там же, на странице его висело, что дает тренировки частным образом. Зайчик мой, неужели так ничему больше и не научился в жизни? Написала я ему письмо, не от своего, конечно же, имени, что ищу для сына-подростка тренера. Он ответил не сразу, но быстро, дня через три, очень вежливо, и велел приходить с сыном прямо в бассейн. А надо сказать, что за то время, как я к прозорливой съездила, Ванечка стал чуть получше. Может, увидел, что ничто ему дома не угрожает, и поуспокоился, даже в школу снова начал ходить. Я уже и дышать на него боялась, тем более, думаю, надо дело довести до конца.

Поехала я в бассейн. В бассейне «Школьник» он, оказывается, работал, возле универсама «Заря», теперь уже бывшего, кто из наших краев — знает это место. Подошла к дежурной у стойки, сказала, что нужен такой-то. Вызвали его.

Выходит. В тренировочном костюме, в кроссовках. Неузнаваемый. Раздался! И в плечах, и живот выпер, и красный весь цвет лица, и лысый наполовину. Где ж, Сережа, твои пышные волосы? И будто ниже стал ростом, совсем как высокий уже не смотрится. Меня, конечно, не узнает.

— На тренировку?

— Да, — говорю.

— Мальчик ваш в раздевалке?

— Да нет, я пока сама хотела выяснить у вас кое-что, без него пришла.

Он глаза поднимает, недовольно так, глядит на меня... ба!

Глаза-то. Глаз нету! Вместо того что было — блеклые и будто умершие блюдечки. Как под целлофаном застиранным, кто советское время пережил, помнит, стирали тогда пакетики, сушили — вот этими пакетиками как будто укрытые — бледно-серые, мутные. Ни твердости никакой, ни ясности.

Я говорить не могу, стою столбиком.

— Так что вы хотели выяснить? — разочарованно так, и даже вроде и злится уже, что молчу или что без ребенка.

— Сережа, я Надя, не узнал? Помнишь меня?

Дернулся он.

— Надя?

Вижу, узнает постепенно. Не обрадовался, не улыбнулся даже.

— Вот так да! Не ждал. Надо же. Ну, пойдем, пойдем.

Весь как-то засуетился, завел меня в тренерскую, в каморку их крошечную. Там никого. На столике бутылка стоит початая, шампанское, конфеты шоколадные в двух коробках — видно, родители несут.

— Надо же. Так ты нарочно?

— Ну, не совсем. Сын у меня и правда есть, плавать умеет, но не особенно, хорошо бы ему еще поучиться, вот у тебя, например.

— Шампанское будешь? Вчера уже справлять начали, осталось.

За бутылку схватился, но я, конечно, отказываюсь.

— Ну, чай тогда.

Я не хочу, но он все равно за водой сходил, вскипятил чайник, наливать начал, гляжу: руки дрожат. Вот тебе и тренер.

Спросила я его, конечно, куда он делся тогда, почему не простился. А он вспомнить не мог! Разве я не простился? Наверное, не хотел тебе делать больно! Что ж с собой меня не позвал? Да куда, Надь? Ехал наугад, то ли найду работу, то ли нет... Но сказать «до свиданья» ты мог? Да я сказал, что ты? Нет, ты че, правда не сказал?

А я-то... А он вспомнить не мог. Ну, а как под дождем меня нес, это хоть помнишь?

Тут он сразу разулыбался:

— Помню! Вот времечко было! Девушки меня любили!

— Ты и сейчас ничего, — вроде и утешаю его. — Тоже любят наверняка.

— Нет, — рукой машет, — Надя, нет.

И как-то в сторону все глядит. Но в чем дело, не объясняет. Поговорили мы в итоге недолго.

Узнала я, что из Америки не солоно хлебавши через год он вернулся обратно, женился два раза подряд, две дочки растут в разных браках, сейчас то ли в разводе, то ли нет, до конца я не поняла. Много работ сменил, и не только по специальности, сюда недавно совсем устроился, и то с большим трудом, хотя зарплата — курам на смех... И все вниз косится, в глаза не смотрит. Стала я собираться, а он вроде как тянет, не дает уйти и намекает, что вообще-то рассчитывал провести тренировку... Оставила я ему денег. Пять тысяч, аванс за

пять тренировок, сказала. И бегом, бегом домой!

А дома — Гена. Рано сегодня вернулся, выходит ко мне.

Пальто помогает снять, вешает на плечики, а по всему дому дух стоит свежий, лесной, что ли хвойный?

— Чем-то пахнет у нас, не пойму.

— Я елку купил, — и покраснел, застеснялся. — Ванька вырос, но каждый год вроде покупали... Ты не против? Он и наряжать согласился, за веревкой на рынок его послал, сейчас вернется.

И точно. Каждый год наш Гена покупал елочку, ставил в большой комнате, и сами с Ваней они ее всегда наряжали, их это было дело, с самых детских лет.

— Нет, Ген, что ты. Я не против.

А он руку мне как сожмет!

— Надюш. Что с тобой? На тебе лица нет.

Молчу я, не отвечаю.

Гляжу на него, в глаза ему — а глаза-то у него... нормальные, смотрит внимательно, и так по-доброму! Беспокойно только немного. Но беспокоится-то он обо мне.

Обняла я его покрепче и отпускать не хочу.

* * *

Филолог, литературовед, критик **Майя Кучерская** приобрела известность как писатель в середине 2000-х, когда вышла ее прозаическая книга «Современный патерик. Чтение для впавших в уныние» — сборник историй, посвященных современной жизни Русской православной церкви. «Патерик» получил Бунинскую премию. Отношениям человека с верой и с церковью была посвящена и следующая работа писательницы — роман «Бог дождя» (отмечен премией «Студенческий Букер»). Роман «Тетя Мотя» был написан после длительного перерыва и оказался уже на совсем другую тему — это история одного адюльтера. Книга вышла в финал сразу двух крупных литературных премий: «Большая книга» и «Ясная поляна».

<https://www.facebook.com/maya.kucherskaya>